

Сюй Цзэчэнь

ЦИНЧЭН

Сюй Цзэчэнь Цинчэн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74633591

Цинчэн: Москва; 2026

ISBN 978-5-907853-47-8

Аннотация

Сборник произведений китайского писателя Сюй Цзэчэня включает две повести и рассказ. Главные героини – современные молодые женщины, у каждой своя жизнь, свои горести и радости. Автор называет их «тремя сестрами»: несмотря на то, что их пути никогда не пересекались на страницах книги, они все-таки связаны. Сюй Цзэчэнь дал своим героиням «говорящие» имена: Да Ся – в честь древнего государства, существовавшего на территории Китая, Цзюй Янь – в честь старинной крепости, а Цинчэн – в честь горной вершины. Странные на первый взгляд, эти имена отражают суть героинь, их характер, их душевные переживания.

Содержание

Да Ся	7
1	7
2	14
3	24
4	35
5	46
6	52
7	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сюй Цзэчэнь Цинчэн

© ООО «Международная издательская компания
«Шанс», 2026

© ООО «Восток Бук», 2026

© ООО «Издательская группа «Пекин», 2026

ООО «Издательская группа «Пекин» предоставляет исключительное право на издание и распространение данного произведения на русском языке во всем мире ООО «Международная издательская компания «Шанс». Все права защищены. Не допускается копирование и распространение текста без письменного разрешения правообладателя.

Да Ся

西
夏

1

Я дремал, втянув голову в плечи, с книжкой в руках, когда зазвонил мобильный. Это была хозяйка квартиры.

– Где ты? – громко спросила она.

– Конечно же, в книжном магазине, – ответил я, – где мне еще быть?

Хозяйка велела как можно скорее ехать в полицейский участок, поскольку полицейские везде меня ищут, и добави-

ла:

– Несколько раз звонили домой, перепугали меня до смерти!

Похоже, она и правда была напугана, иначе не потратила бы тридцать фэней¹, чтобы мне позвонить.

– Ты что-то натворил? – Она говорила со мной будто с преступником.

Я проигнорировал вопрос и выключил телефон. Целыми днями сижу в этой камере размером с задницу – что я мог натворить? С другой стороны, зачем тогда меня ищет полиция? По спине пробежал холодок: тут у меня ведь имелось штук тридцать-пятьдесят пиратских изданий. Я глянул за книжные полки – в магазине не было ни одного посетителя. Кто пойдет за книгами в такую холодину? Я запер дверь. На улице уже смеркалось, опускалась ночь, и темнота будто придавливала Пекин своей тяжестью.

Ветер, тоже будто черный, задувал прямо за шиворот. В участок я поехал на велосипеде и от волнения даже забыл взять перчатки. В Пекине всегда много машин. Виляя между ними, пару раз проскочил на красный свет и приехал в участок замерзший с головы до пят. Лишь повесив на велосипед замок, я понял, что сильно вспотел.

В участке свет горел только в одном кабинете: там из угла в угол ходил упитанный полицейский. Я постучал.

¹ Фэнь (#) – самая маленькая единица китайской валюты. 1 юань равен 100 фэням.

– Ты и есть Ван Идин? – Он открыл дверь и спросил меня в упор, так что его слюна брызнула мне в лицо.

– Я и есть. – От духоты я громко чихнул. В кабинете еще была девушка, поэтому я с усилием подавил второй приступ. – Я ведь ничего не натворил?

– А как насчет этой девушки? – ткнув пальцем в ее сторону, спросил полицейский. – Я прождал тебя три часа. Погляди-ка, – он показал на свои наручные часы, – уже час и двенадцать минут как закончилась смена. Давай, забирай поскорей.

Девушка была довольно симпатичной. Она сидела рядом с батареей, сдвинув колени, и смотрела на меня, хлопая глазами. Я не понимал, кто она и почему я должен ее забирать.

– Она искала тебя и пришла сюда. Не знаю откуда. Зовут Да Ся. – Полицейский уже просунул одну руку в рукав форменной шинели, а другой взял со стола листок и протянул мне. – Откуда ты пришла? Ах да, опять забыл, ты же немая.

На листке было небрежно начирикано:

Ван Идин, это Да Ся, позаботься о ней.

Внизу был номер телефона моей хозяйки.

Я бросил взгляд на лицо девушки: высокая переносица, длинные ресницы, красивые глаза. Мне она была незнакома.

Я спросил:

– Ты кто? Кто тебя надоумил обратиться ко мне?

Упитанный полицейский откликнулся:

– Я же сказал, она немая.

Немая. Я посмотрел на записку: в ней действительно было указано мое имя. Значит, эту девушку зовут Да Ся.

– Я ее не знаю.

– Я тоже не знаю, – отозвался полицейский. Он уже просунул вторую руку в рукав и застегивал последнюю пуговицу шинели, – забирай ее поскорее. Мне еще надо сходить к теще за сыном. Сегодня меня опять дома ждет взбучка.

– Гражданин полицейский, но я в самом деле ее не знаю.

– Ну, бессмертные тоже не с рожденья друг друга знают, поторапливайтесь. – Он выпроводил меня из кабинета, а следом выставил девушку. – Посмотри-ка еще разок, вдруг узнаешь?

– Да нет же.

Толстяк полицейский наклонил голову и запер дверь участка, завел мотоцикл, из трубы которого повалили выхлопные газы, и укатил.

Когда толстяк уехал, девушка пошла за мной. Она не отставала ни на шаг, так что сбегать не было никакой возможности. Я с велосипедом медленно шел впереди, чтобы она могла поспевать. Девушка засунула руки в карманы. Я обернулся: она смотрела на меня. В других обстоятельствах, встретив ее на улице, я бы загляделся. Она правда была хороша, с красивой походкой. Я замедлился и теперь уже шел рядом с ней.

– Тебя зовут Да Ся?

Она кивнула.

Да Ся. Это полузабытое название из глубин истории напомнило о стране² и тьме конных всадников, у которых на голове куча совершенно ненужных косичек. Впрочем, все это было так давно, откуда мне знать, как они на самом деле выглядели. И вдруг у этой девушки такое странное имя.

– Да Ся, – повторил я.

Она снова кивнула.

Я хотел еще что-нибудь спросить, но тут желудок подал сигнал: обычно к этому времени я уже поужинал. Тогда я обратился к ней:

– Наверное, проголодалась?

Она кивнула.

Возвращаться домой, чтобы готовить там ужин, было бы долго, так что я повел Да Ся в лапшичную «Малань Ламянь». Сочная лапша с говядиной с пылу с жару вдохнула в меня новую жизнь в этот зимний вечер. Загорелся зеленый, и по мосту Хайдянь в разные стороны хлынули потоки машин. Мы пошли дальше. Я живу в районе сада Чэнцзюань, за Западными воротами Пекинского университета: от центра Чжунгуаньцунь³ нужно идти на север, а у Западных ворот университета свернуть в сад Вэйсююань, пройти его насквозь и пе-

² Имя девушки записано теми же иероглифами, что и название независимого государства тангутов Си Ся («Западное Ся», также используется название Да Ся – «Великое Ся»), существовавшего на территории современного северо-восточного Китая в XI–XIII вв. – *Здесь и далее примеч. ред.*

³ Технопарк, на территории которого располагаются технологические компании, НИИ, ВУЗы. Также известен как китайская «Кремниевая долина».

рейти через речку Ваньцюаньхэ, вытекающую из императорского сада Ихэюань.

Я снимал комнату в обшарпанном одноэтажном доме, но одному там жить было совсем неплохо. Перед домом росла старая-престарая ива с очень широким полым стволом. Дети часто скрывались там, когда играли в прятки. Не то что ребенок, и взрослый легко бы в нем поместился. Именно из-за этой ивы я и решил поселиться здесь. Когда я был маленьким, у входа в дом росла такая же ива. Мне они нравятся: весной их ветви небрежно свисают до самой земли.

Пешеходов в саду Вэйсююань было мало, и ощущение безжизненности не покидало меня всю дорогу: спутница немая, да и мне самому было лень разговаривать. Встал спозаранку, съездил за товаром для магазина в «Дом книги», книжный магазин в районе Сидань, и потом целый день приводил в порядок, расставлял по полкам – к счастью, холод помог сохранять бодрость. А теперь вот, поев лапши с говядиной, я почувствовал, как тело наполнилось приятной теплотой, а вместе с ней пришла и сонливость.

Поставив велосипед, я постучался к хозяйке. Мне пришло в голову разместить Да Ся у нее на ночь, а наутро уже все обговорить. Хозяйка высунула голову из-за двери, посмотрела на Да Ся, потом на меня и спросила:

– Кто эта девушка? Ты в самом деле что-то натворил? Как же так!

– Да ничего я не натворил! Помогите, пожалуйста. Поз-

вольте ей остаться у вас на ночь. У меня комнатка маленькая, да и это же девушка.

— Кто она такая? — поинтересовалась хозяйка, еще сильнее вытягивая шею.

— Ее зовут Да Ся. Она молчунья. Больше я ничего не знаю. Хозяйка решила, что я шучу, и двусмысленно улыбнулась. Эта женщина за сорок была излишне мнительна. Я всячески уговаривал ее приютить Да Ся, и в конце концов мне все-таки пришлось сказать, что это моя девушка. Я смутился, ведь прежде никогда не водил к себе девушек, некого было приводить. Хозяйка заметила:

— Ну вот, сразу сказал бы все начистоту! Погляди-ка, девочка совсем продрогла на ветру. Скорей заходи! Ну и ну, столько времени скрывал от меня...

Ночью я сразу же забылся и проспал крепким сном до утра. Меня разбудил стук в дверь. На часах было только семь и за окном пока не рассвело. Несколько минут я в недоумении еще лежал под одеялом. Незнакомка свалилась на меня как снег на голову – по крайней мере, мне нужно узнать ее историю. Вчера по дороге домой и в лапшичной я спрашивал, откуда она, кто отправил ее ко мне и зачем. Да Ся лишь качала головой и либо беспомощно смотрела на меня, либо жестикулировала: прежде я не сталкивался с немыми и поэтому не понимал знаков – в общем, так ничего и не добился. Что же, придется снова расспрашивать.

Умывшись и приведя себя в порядок, Да Ся выглядела еще прелестней, будто посвежела. Она улыбнулась мне и так непринужденно вошла в комнату, словно ей все здесь было знакомо. Я застыл у входа, укутавшись в пуховик. Утро стояло прохладное, и в саду было очень тихо, только изредка раздавалось чириканье: с первых звуков можно было различить, что это певчие птицы в клетках.

Хозяйка высунулась из-за своей двери и позвала меня к себе. Отопление у них дома было гораздо лучше, чем у меня в комнате.

– Она случайно не немая? – со строгим видом спросила хозяйка, выделяя последнее слово. И тут же, почувствовав,

что прозвучало резковато, примирительно улыбнулась. – Но человек она неплохой. Как бы то ни было, все лучше, чем ничего.

Я, конечно, смекнул, о чем она, и запротестовал с усмешкой:

– Тетушка, вы не так поняли, я ее не знаю.

– Не знаешь, а привел! Хорош! Вот если бы мой сыночек знал твои подходы...

– Я имею в виду, что между нами ничего нет. Я первый раз ее вижу. Честно.

– Я тебе не верю. Незнакомка прям так уж и пошла с тобой?

– Кто-то сообщил ей мое имя и ваш номер телефона, чтобы она меня нашла. Я не знаю, кто она и что хочет. Вчера вечером не успел расспросить.

– Как же ты решился привести домой незнакомого человека? – Лицо хозяйки вытянулось от изумления. – А может, она просто притворяется немой? В наше время каких только людей не бывает!

Это как-то не приходило мне в голову. После слов хозяйки я подумал, что дело и вправду может быть куда серьезнее, ведь я привел к себе девушку, даже не зная, кто она такая! От хозяйки я вышел озабоченным. Быстренько умывшись, я вернулся к себе и обнаружил, что Да Ся уже стряпает. Увидев мое замешательство, она улыбнулась и показала на раскаленную сковородку, как бы говоря, что у нас будет

лапша на завтрак. Она вела себя, будто была тут хозяйкой. Мне вдруг стало как-то неловко заговорить. Я сел на диван, закурил и, сделав лишь несколько затяжек, оставил сигарету медленно догорать. Эта девушка казалась мне совершенно непостижимой.

Сигарета не истлела и до половины, как лапша была готова. Да Ся принесла еду на маленький обеденный столик. У меня в тарелке была еще глазунья из двух яиц. Да Ся поставила на стол квашенные овощи и острый соус, которые я купил в супермаркете. Положив мне палочки, она опустила голову и принялась за свою порцию, без глазуньи. Я взял в руку палочки и смотрел, как она ест: у меня перед глазами были только ее волосы, собранные в пучок. Я подал ей одно из яиц, но она покачала головой и вернула его мне. Да Ся продолжила есть, опустив голову, и за раз брала по одной лапшинке. Я спросил:

– Так ты в конце концов немая или нет?

Она оторвалась от тарелки и посмотрела на меня, будто удивленная вопросом, и покачала головой.

– Если ты не немая, то почему ничего не говоришь?

Она снова покачала головой, потом кивнула. На ее лице отразилась грусть, а палочки в руке беспорядочно болтались туда-сюда.

– Ты хочешь сказать, что раньше не была немой, но теперь стала?

Она энергично закивала и дала мне знак есть побыстрее:

лапша остывает.

Я подцепил палочками лапшу и снова спросил:
– Так почему же ты сейчас не можешь говорить?

Она только мотала головой, а потом понурилась, словно готова была расплакаться, и стала есть еще медленнее. Я передумал расспрашивать: кто бы она ни была, пусть спокойно доедает. Я промолчал и тогда, когда она по-домашнему и совершенно естественно положила мне овощей в тарелку, словно жена мужу или сестра брату. На меня Да Ся не смотрела.

После еды она прибралась и пошла мыть посуду. Я зажег еще одну сигарету и наблюдал, как кружится дым. По правде говоря, я совершенно не знал, что делать в этой странной ситуации. Посмотрев на часы – до открытия магазина оставался еще час, – я решил прийти туда пораньше.

Одевшись, я крикнул на кухню:

– Я пошел на работу. Когда будешь уходить, прикрой за собой дверь моей комнаты.

И вышел. Думаю, она меня поняла. Я решил, чтобы скоротать время, отправиться пешком. Мы с другом открыли маленький книжный магазинчик, не лучше и не хуже остальных, который, в общем, вполне позволял как-то сводить концы с концами. В эти дни была моя очередь присматривать за магазином. Обычно я выходил спозаранку и сидел на работе допоздна, а в перерыв покупал в какой-нибудь забегаловке поблизости обед навынос.

На выходе из сада Чэнцзюань на берегу Ваньцюаньхэ я встретил хозяйку, делавшую покупки к завтраку.

– Ну и что там с девушкой? Она ушла?

– Нет, моет посуду.

– Ну, ты расспросил ее?

– Она молчит. Я не хотел ее допрашивать, и прогнать было неловко, поэтому просто сказал ей прикрыть дверь, когда будет уходить.

– Ну и сглупил же ты! Ты ведь не знаешь, кто она такая. Где это видано – оставлять незнакомого человека в квартире!

– Целую комнату она все равно не унесет, а ценных вещей у меня нет.

– Ну это ты так говоришь. – Хозяйка гневно потрясла пакетом с жареным «хворостом» и пошла прочь. – Если что-то случится, не говори, что я тебя не предупреждала.

А что может случиться? Я сам, считай, голодранец, поэтому не боюсь воров. С другой стороны, это ведь дом хозяйки. Я брел вдоль реки, покрытой толстым слоем льда, и думал о том, что на озере Вэйминху Пекинского университета лед еще толще, и в это время года много студентов катаются там на коньках. Я тоже несколько раз под видом студента ходил туда кататься. Проходя сад Вэйсю, я на минутку остановился у Западных ворот университета и, посмотрев на строгого привратника, отказался от идеи сделать кружок по университетскому парку.

На работе я провел такой же непримечательный день, как и всегда: открыл магазин, немного прибрался, продавал книг, вел счета, съел остывший обед, снова продавал книги, периодически впадая в дремоту, а чтобы не заснуть, листал книжку. Я люблю книги и читаю все без разбора. Благодаря нашему магазину со временем я прочитал множество книг, а еще к тому же стал разбираться в книгоиздательском рынке – можно сказать, с грехом пополам образовался. Друзья и покупатели, как, например, студенты Пекинского университета или университета Цинхуа, говорят, что со мной интересно поболтать. Похвалы подняли мою самооценку, и я еще больше полюбил читать. Я и сам не знаю, зачем читаю. Видимо, из простого тщеславия, чтобы иметь возможность перекинуться с людьми парочкой умных фраз. Не знаю... Так или иначе, я люблю читать и независимо от обстоятельств выбираю себе книжку и читаю как положено.

Я включил одну лампу, вторую, наконец все три. На город опустились сумерки. Пора закрывать магазин.

Я возвращался домой с тяжелым сердцем. Может, это из-за прочитанной книги, которая не выходила из головы, или потому, что обычно я ездил на велосипеде, и быстро, а тут решил пойти пешком и всю дорогу глазел по сторонам: от пешеходов и машин в морозных сумерках стало как-то не по себе. Я дошел до дома где-то за полчаса, увидел старую добрую иву – и теплый огонек из окна моей комнаты. Наконец я понял, что меня тяготило – девушка по имени Да Ся. Дверь

была закрыта, и, стоя перед ней, я услышал внутри тихий храп. Она не ушла! Да Ся проснулась, услышав, как я вошел. Лежа калачиком на диване, словно кошка, она протерла глаза и затем встала, немного подрагивая от холода. Улыбнувшись, она предложила мне сесть и пошла разогревать ужин: два блюда и суп. Видимо, Да Ся решила таким образом мне отплатить, раз уж не ушла. Я сел, зажег сигарету и стал ждать горячий ужин.

За едой я порывался было спросить, почему она не ушла, но колебался и в конце концов решил оставить как есть. Еда оказалась вкусной, да и Да Ся была в хорошем настроении. Ее непринужденное поведение за столом меня немного смутило. Поздний вечер, а мы, совершенно незнакомые люди, сидели вдвоем. Я никогда не испытывал такого смущения и решил, что все же должен ее выставить.

Однако куда больший конфуз меня ждал впереди.

После ужина Да Ся взялась мыть посуду, а я пошел к хозяйке попросить приюта еще на одну ночь. После долгого стука та наконец открыла дверь и, зевнув, пустила меня.

– И чего, эта девушка до сих пор не ушла? – спросила хозяйка. Она уставилась в телевизор и продолжила вязать.

– Я по этому поводу и пришел, тетушка. – Мой голос становился все менее уверенным. – Хотел попросить вас пустить ее еще на одну ночь. Завтра скажу ей уйти.

– Ой, мне, право, неловко, но сегодня может вернуться наш старина Чэнь, так что это было бы неудобно.

– Дядюшка Чэнь разве не в командировке?

– Да, но из командировки тоже возвращаются домой. Он вот буквально на днях звонил и сказал, что может вернуться сегодня вечером. Понимаешь, невозможно спать втроем в одной кровати.

– Разве у вас нет еще одной свободной кровати? Той, на которой спал Сяоцзюнь?

– На той кровати уже давно никто не спал, и кроме того, Сяоцзюнь очень не любит, когда в его комнату заходят посторонние.

– В таком случае, может быть, можно будет попросить дядюшку Чэня потерпеть одну ночь?

– Видишь ли, Ван, дорогой, Чэня не было уже довольно долго, и он как вернется, так надо будет... в общем, не смейся, люди говорят, что встреча после разлуки слаще медового месяца. А дядюшка Чэнь у нас горяч, ты же сам знаешь.

Что я мог на это сказать? Сорок с небольшим – это возраст, полный желаний. Нацепив маску вежливости, я для приличия пробубнил что-то еще и ретировался. Я знал, что хозяйка просто отнекивается, и на прощанье она еще раз предупредила меня:

– Неизвестно откуда взявшаяся девушка рано или поздно принесет тебе беду.

В ту ночь дядюшка Чэнь, разумеется, не вернулся. Конечно, это не мое дело, куда важнее была другая проблема: мне предстояло делить комнату с незнакомкой – что ни говори,

а это крайне неловко. Да Ся кипятила воду. Телевизор что-то тихо бубнил, и я сделал погромче. Под звуки голосов в телевизоре я почесал затылок и сказал:

– Хозяйке сегодня неудобно, так что придется тебе переночевать здесь.

Да Ся кивнула в знак согласия словно уже знала, что так оно и будет. Вода на плите закипела, и девушка по-хозяйски пошла наполнить термос. Зная про женские хлопоты, я показал ей, где умывальник и тазик для ног, затем вышел и прикрыл за собой дверь. Снаружи делать было нечего, и я закурил. В свете зажигалки я увидел висевшую под карнизом одежду. Она настолько промерзла, что брюки будто колом стояли. Да Ся постирала все мои грязные вещи. Прежде никто, кроме мамы и старшей сестры, для меня этого не делал. Я был тронут: в такой холодный день Да Ся умудрилась выстирать столько вещей.

Когда я докурил, Да Ся открыла дверь и впустила меня. По ней было видно, что она боялась, как бы я не замерз. Она прямо передо мной торжественно сняла туфли с носками и стала мыть ноги. Я изо всех сил старался смотреть в телевизор, но все равно видел ее ноги – настолько белые, что они поражали воображение. Ее ноги заставили меня наконец остро ощутить, что передо мной женщина. Это было невыносимо. Я решил приготовить место для сна. Да Ся будет спать на кровати, а себе я раздвинул диван. Чего не хватало, так это постельного белья – у меня был только один комплект.

Вместо матраса и одеяла я решил использовать все толстые и теплые вещи, которые вытащил из шкафа. Пришлось спать в верхней одежде и укрываться ватным стеганым пальто.

Так я и спал в ту ночь. Едва ли нужно говорить, что все это не на шутку меня взволновало. Я уложил Да Ся спать, а сам решил еще почитать книгу, отвернулся от девушки, надел наушники и включил музыку. Около одиннадцати часов я снял наушники и услышал тихое посапывание. Это женское посапывание во сне кажется мне необъяснимо привлекательным. Она спала как кошечка, и одеяло изгибалось по форме ее тела. Я выключил свет и съезжился на диване, поскольку спать в одежде все-таки было зябко. Несмотря на холод, я уснул.

Перевернувшись посреди ночи на другой бок, я вдруг услышал какой-то звук, который заставил меня распахнуть глаза: рядом лежала Да Ся. Она тоже перебралась на диван и укрыла меня большей частью одеяла. Когда я перевернулся во сне, то нечаянно придавил ее руку. Да Ся спала на боку лицом ко мне, положив на меня другую руку и скривив губы, словно в улыбке. Конечно, она продолжала крепко спать. Я весь вспотел, осторожно повернулся к ней спиной и лишь через длительное время снова смог заснуть.

Когда я проснулся, она уже встала и как ни в чем не бывало собиралась приготовить завтрак.

– Ты не можешь больше здесь оставаться, – сказал я, разглядывая палочки для еды. – Что бы ты ни делала и для чего бы ни пришла, тебе все равно придется уйти. Так дальше мы с тобой не сможем.

Да Ся застыла. Я бросил на нее взгляд: в слезах она покачивала головой. Я просто не понимаю: она, незваная гостья, еще и чувствует себя обиженной. С чего ей обижаться?! Я поспешно закончил завтрак, дал ей пятьсот юаней на проезд и пошел в свой магазин. По дороге мелькнула мысль: если она в самом деле не хочет уходить, то, может, ей остаться и быть моей женой? Но зачем мне немая? Она даже слова вымолвить не может. Кроме того, кто знает, чего она на самом деле хочет? Как сказала хозяйка, в наше время всякие люди бывают. Может быть, потеряешь больше, чем приобретешь. Лучше уж отпустить ее. Конечно, она должна уйти!

Но Да Ся не ушла. Когда я возвращался вечером домой, то издали увидел свет в окнах своей комнаты. Остановившись перед дверью, при свете из окна я также заметил на сушке белье и пеструю женскую одежду. В комнате Да Ся перед платяным шкафом разглядывала длинную ватную куртку. Увидев меня, она сначала спрятала куртку за спиной, но затем снова достала ее и, как маленькая девочка, надела на себя и стала вертеться передо мной и перед зеркалом, чтобы

я посмотрел.

– Весьма недурно, – отозвался я.

Она вынула из кармана куртки коричневый шарф и встала на цыпочки, чтобы мне его повязать. Этот шарф был куплен специально для меня. Она потянула меня к зеркалу, кивнула и посмотрела мне в глаза. Я ответил, что выглядит симпатично. Она очень обрадовалась и вытащила горсть денег: около двухсот пятидесяти юаней. Это осталось от тех, которые я дал ей на дорогу. На них она накупила одежды.

– Ты почему не ушла? – спросил я.

Она опустила голову, сняла новую куртку, надела свои старые вещи и фартук и, не издав ни звука, пошла на кухню. Я даже немного разозлился. Она взяла и потратила мои деньги на одежду: видимо, собирается здесь задержаться надолго. Куда это годится? Я включил телевизор. Там только-только начались новости. По привычке зажег сигарету, хоть на самом деле не собирался курить, и все размышлял, что же задумала эта девушка по имени Да Ся. Не в силах прийти к какому-либо выводу, я должен был признать, что у меня не хватает воображения. Я пытался найти ответ в прочитанных книгах, но, кажется, подобных историй мне не попадалось. Такие сюжеты бывают разве что в детективах: сперва появляется незванный гость, обычно это красивая женщина, а потом для семьи наступает разорение и крах. Тут я почувствовал, как по моей спине пробежал холодок. И тут подоспел ужин: Да Ся подогрела еду.

Живя один, я никогда так обильно и вкусно не ел, разве что с друзьями в ресторане. Да Ся указала на деньги, которые я только что походя положил на телевизор, и дала мне понять, что на них она еще купила продукты, часть из которых оставила на кухне.

Ужин был очень хорошим, но вслед за ним приближалась очередная неловкая ночь. Если бы я заранее знал об этом, я бы еще днем сходил за комплектом постельного белья.

Посреди ужина из-за двери меня окликнула хозяйка. Судя по голосу, она была настроена воинственно. Я сказал Да Ся продолжать ужинать, а сам пошел открывать. Когда я вышел, хозяйка потащила меня к себе, громко хлопнув дверью.

– Ты только посмотри! – Она указала на пустой стол рядом с телевизором. – Деньги пропали! Двести юаней пропали!

– Какие еще двести юаней?

– Мои! Утром, когда я стирала, положила сюда и сейчас обнаружила пропажу!

– А я какое к этому имею отношение? Я только что вернулся из своего магазина.

– Не ты, но и тебе не избежать ответственности. – Хозяйка была в ярости. – Это точно украла та девка, которую ты притащил. Она заходила сюда, чтобы одолжить стиральную доску.

– Тетушка, давайте сначала разберемся, а потом будем бросаться обвинениями. Она выглядит честной.

– Именно поэтому еще отвратительнее! Здесь были всего

три человека: я, Чэнь – он только утром вернулся и отправился на предприятие с отчетом – и эта твоя немая. Кто еще кроме нее мог?

– А может быть, это дядюшка Чэнь взял и не сказал вам?

– Чэнь только что вернулся из командировки и не потратил даже половины тех денег, что у него были с собой. Зачем ему двести юаней? Ты загляни-ка под карниз: сколько там новой одежды! А еще твоя немая купила себе новый ватник. Откуда у нее деньги?

– Я дал ей пятьсот юаней, она из них потратила двести с лишним.

– Да она просто дурит тебя! Столько одежды купить за двести юаней?! Она приносила мне показать этот ватник, он никак не может быть дешевым. Взрослая уже девушка, а вывешивает на всеобщее обозрение свои трусы, лифчики... Ежу понятно, что она та еще штучка. Ну и что нам с этим делать? Подождем, пока вернется Чэнь, тогда с ним обсудим. Может быть, тебе лучше больше не снимать у нас жилье. Мы такого себе позволить не можем.

Слова хозяйки привели меня в ярость. Разве я не давал Да Ся пятьсот юаней? Какого черта ей понадобились чужие деньги?

Я вернулся вне себя от гнева. Да Ся ждала меня, чтобы продолжить ужин. Она хотела поставить передо мной разогретое блюдо, но я сказал ей, что не нужно, я уже сыт. Я достал из сундука большую пустую сумку и, не говоря ни слова,

вышел. В эту сумку я запихнул всю ее недосохшую одежду, висевшую под карнизом. Вернулся в комнату, туда же засунул ее новый ватник. Застегнув молнию, я бросил сумку на диван рядом с Да Ся и сказал резко и громко:

– Уходи! Прямо сейчас уходи! Иди куда хочешь, чтобы я тебя больше не видел! Что, боишься остаться голодной? Я дам тебе еще две булки. Нет, забирай все!

Я сунул в сумку оставшиеся булочки и поднял Да Ся с табуретки. От испуга она уронила на пол палочки и расплакалась. Да Ся упиралась, но я тащил ее с силой, удивившей меня самого, так я разозлился. У ворот сада Чэнцзюань я бросил сумку на землю.

– Иди, мы с тобой друг другу никто. Иди-иди, я не хочу тебя больше видеть!

После этого я пошел домой, не обращая внимания на плач и крики, которые становились все тише и наконец смолкли совсем. Дома я выбросил всю оставшуюся еду. Мною овладели одновременно гнев и огорчение, мне казалось, что со мной сыграли злую шутку. Мало того, что незваная гостья сама по себе была довольно несуразна, так еще и оказалась нечистой на руку. Я беспрестанно курил и ничего не хотел делать, лишь думал об этой ситуации. Я перебивался в Пекине семь-восемь лет, никому особо не был нужен, хлебнул горя и невзгод. Не случалось у меня в жизни ни чудес, ни интрижек, с большим трудом открыл крохотную книжную лавочку, а как начал зарабатывать на хлеб, так сразу нарисо-

валась какая-то мошенница. На душе было так погано, что на глазах выступили слезы.

Я выкурил где-то полпачки сигарет, как следует порыдал и только тогда вспомнил, что нужно вернуть хозяйке украденные у нее деньги. Поскольку все это случилось из-за меня, то мне и нести ответственность. Я постучал к ней, дверь открыл дядюшка Чэнь, вернувшийся со своего предприятия.

– Простите, дядя Чэнь, тетушка, я доставил вам много хлопот. Я прогнал ту девушку и принес вам те двести юаней, которые она забрала.

Дядюшка Чэнь сказал:

– Садись, Ван, надо с тобой это обсудить. Наша тетушка напрасно оговорила девочку. Эти деньги взял я. Я боялся, что их стащат мыши, поэтому положил их в карман и забыл ей сказать.

– Да, Ван, дорогой, – подхватила хозяйка, расплывшись в улыбке, – ты же знаешь, что в наших домах полно мышей: делают, что хотят, все тащат по своим норам.

Так оно и было. В моей комнате тоже среди ночи то и дело слышится шарканье, будто кто-то идет по улице, – это мыши тащат всякие бумажки. Когда я впервые услышал этот звук, то не на шутку перепугался. Здешние мыши толстые и наглые, одна даже как-то забралась ко мне на подушку, настолько смелых грызунов я еще не встречал. От испуга я схватил веник и запустил его в мышь, но она не убежала, а продолжала невозмутимо сидеть, потирая мордочку передними лап-

ками, и ретировалась только тогда, когда я к ней подбежал.

— Я ведь прогнал девушку.

Хозяйка сказала:

— Такого сорта женщин лучше прогонять. Ты подумай только, ну какая по своей воле явится к тебе под дверь, а потом еще и не захочет уходить? Что это за дела такие? Да и разве порядочная женщина станет вывешивать у всех на виду свои пестрые шмотки? Ну и хорошо, что ушла, Ван, милый, тебе бы следовало поблагодарить тетку. Я уже давно поняла, что с этой девицей жди беды.

Тетушка говорила очень энергично и будто уже сама поверила, что она прямо-таки меня спасла. Чем больше она говорила, тем тоскливее становилось на душе от того, как грубо я обошелся с Да Ся. Поспешив проститься, я вернулся в комнату. Думал посмотреть телевизор, чтобы немного заглушить переживания, как заметил оставленные Да Ся деньги. Она ведь ушла без гроша в кармане. Как одинокой девушке совсем без денег продержаться в такую холодную ночь? Я все больше утверждался в мысли, что надо ее разыскать. Но, с другой стороны, если я верну ее обратно, она увидит в этом еще больше оснований оставаться у меня, и что я тогда буду делать? Да, обвинения оказались ложными, но представится ли в следующий раз подходящий повод ее прогнать? Тупо глядя в телевизор, я все никак не мог решиться: идти ее искать или нет?

Я докурил все сигареты. Давно перевалило за полночь. С

улицы через неплотно закрытую дверь дуло, мне стало зябко. Ветер был настолько морозным, что казалось, будто меня голого окатили ледяной водой. А на улице, вне всякого сомнения, было еще холоднее. Что Да Ся сейчас делает? Где она? Ей наверняка холоднее, чем мне. Выбросив окурок, я схватил пальто с перчатками и вышел из дома. Я должен был ее разыскать, а о важных вопросах можно поговорить и днем.

В глубокой тишине сада Чэнцзюань свет горел лишь в нескольких окнах: в основном это были абитуриенты, которые снимали здесь комнаты и готовились по ночам к поступлению в аспирантуру Пекинского университета. Я быстро шел, оглядываясь по сторонам, но вокруг не было ни души. Остановился только на мосту через Ваньцюаньхэ: и куда мне теперь идти? Передо мной открывалось много дорог: Да Ся могла выбрать любую из них и отправиться в только ей известном направлении. Я решил выбрать ту дорогу, по которой мы шли с Да Ся: через сад Вэйсюань и Западные ворота университета дальше на юг. Через Чжунгуаньцунь я дошел до лапшичной «Малань Ламянь», освещенной уличными фонарями. Изредка появлялись пешеходы, которые, несмотря на толстые ватные куртки, казались тощими. Лишь через двери Хайдяньского дворца спорта туда-сюда сновали люди: это были посетители караоке. Перед дверьми в ожидании клиентов стояли несколько такси. Я спрашивал сонных водителей, не видели ли они девушку с большой сумкой. Те думали, что мне нужно такси, но, расслышав мой вопрос,

лишь качали головой и продолжали дремать. Я обращался ко всем прохожим, но никто ее не видел.

Я наугад бродил в поисках Да Ся, пока часам к двум ночи меня не начал одолевать сон. Холодно мне не было, потому что я постоянно двигался, просто сильно хотелось спать, и, чтобы взбодриться, я решил купить пачку сигарет. Я почти дошел до моста Сучжоуцяо. Повсюду сверкали неоновые огни, но вот табачного магазина нигде не было. Сделав несколько кругов, я подумал про круглосуточный супермаркет и пошел на его поиски. В конце концов я нашел один рядом со складом и купил сразу две пачки и две зажигалки.

Закурив, я продолжил поиски и расспрашивал всех прохожих – и так незаметно оказался у четвертого кольца⁴. За его пределами на пустыре фонари светили не слишком ярко, и в прозрачном воздухе все было как на ладони. По дороге проносились в основном грузовики и автобусы дальнего следования, легковых машин было гораздо меньше, а людей и подавно не видно. Издалека я заметил движущийся силуэт и с замиранием сердца побежал к нему, но это оказался чистивший дорогу уличный уборщик. Он, наверное, хотел управиться с работой до рассвета. Я спросил его, не видел ли он девушку с сумкой. Он ответил отрицательно и добавил, что в такое время можно встретить лишь пьяниц и бездомных.

Потный и уставший, я продолжал идти. Впереди был над-

⁴ Одна из кольцевых автодорог Пекина.

земный переход между четвертым и третьим кольцами. Я решил подняться туда, чтобы увеличить обзор. Ночь понемногу отступала, из-за пустыря показалась предрассветная синева, и Пекин начинал оживать. Неподалеку, под другим мостом, я увидел черный-пречерный комок, напоминавший человека. Сердце снова забилося быстрее. Про себя я молился, чтобы это оказалась Да Ся. Перебегая проезжую часть, чуть не попал под грузовик. Подбежав поближе, я испытал сильное разочарование: это был пьяный бродяга, свернувшийся по-собачьи, а рядом с ним валялась пустая бутылка из-под водки «Эрготоу»⁵. Я хотел было его разбудить, поскольку в таком состоянии он мог бы замерзнуть, но, услышав довольный храп, решил, что и так сойдет: если он так сладко спит, зачем ему мешать?

В конце концов я потерял надежду. Меня клонило в сон, и поэтому, чтобы самому не уснуть на обочине, я вернулся домой. Искать Да Ся – все равно что искать иголку в стогу сена. Светало. У ворот сада Чэнцзюань начали раскладывать лотки с едой. Ноги у меня заплетались от усталости. Дойдя до старой ивы, я решил сделать несколько затяжек и немного передохнуть перед тем, как войти в дом. Опираясь на ствол, я закурил и глубоко вздохнул. Сделав две затяжки, вдруг почувствовал неладное: в стволе что-то мерцало. Я заглянул туда и был поражен, встретив взгляд. Из ствола

⁵ Широко распространенный и доступный по цене сорт традиционного китайского алкоголя.

вылезла сторбленная фигура, и я инстинктивно сделал пару шагов назад. Это была Да Ся. Я даже не донес сигарету до рта. Это действительно была она!

– Ты здесь! – воскликнул я. – Всю ночь тебя искал!

Она подошла и остановилась, пристально глядя на меня. Я потянулся было к ней, но она присела на корточки и завязала развязавшиеся шнурки на моих ботинках. Потом она вернулась к иве, достала оттуда сумку и проследовала к дому, ожидая, пока я открою дверь.

Когда мы вошли и включили свет, я увидел, что ее лицо было мокрым от слез.

Как говорит хозяйка, легко пригласить божество в дом, трудно выпроводить его. Да Ся вернулась, и я теперь не знал, как быть дальше. Компромисс, на который я пошел, лишил меня возможности собраться с силами для последующего наступления. Хозяйку мой поступок до крайности разочаровал. «Еще и пошел ее искать? – проворчала она. – Ну все, теперь шарлатанка не отлипнет». Дядюшка Чэнь на это беспечно сказал: «Раз уж она все равно не хочет уходить, ну и оставь ее у себя. Чего бояться? Ты же мужчина, ничего с тобой не случится, разве только небольшое обременение». Хозяйка крепко отругала Чэня: «Мужик в пятьдесят лет целый день думал-думал и только такую ерунду надумал? А что, если она и потом не уйдет? Может, Вану еще и жениться на ней? Она не слабоумная; если хочешь ее бросить, так и брось. Еще раз скажу: кто знает, откуда она вообще взялась? Даже про собаку не знаешь, что она сделает на следующий день, что уж говорить про взрослого человека? А если она убийца или что-то в этом роде? Тогда беды не оберешься». Дядя Чэнь тоже посерьезнел: «Да, если она убийца, то у тебя будут проблемы. Беглый убийца способен на что угодно. Наша тетушка права: ты должен хорошенько подумать, а то вяпаешься в историю».

После их слов проблема показалась мне еще серьезней,

ведь чужая душа – потемки. Следовало придумать, как отослать гостью, но у меня не получалось. За едой я вновь принялся расспрашивать ее.

– Тебя в самом деле зовут Да Ся?

Она кивнула, озадаченная моим вопросом, но тут же снова опустила голову.

– Где твой дом?

На этот раз она покачала головой, вертя в руках палочки для еды.

– Кто сказал тебе разыскать меня?

Она все качала головой.

– Ты убежала из дома?

Она снова покачала головой.

Ничего так и не выяснилось. Я еще спросил:

– Ты действительно хочешь остаться со мной?

Она кивнула, наконец подняла голову и улыбнулась: в ее взгляде будто мелькнула нежность.

– Но я не хочу, – сказал я, – ведь я ничего о тебе не знаю. Нам неблагоразумно продолжать в том же духе. Ты должна вернуться к себе домой. Она снова опустила голову, слезы закапали ей на руки. Очевидно, убедить ее уйти по своей воле было непросто. Обед прошел для меня в тяжелых раздумьях. Под конец зазвонил телефон: один из приятелей пригласил меня выпить. Его родственники из Ляньюньгана привезли свежих морепродуктов, и он любезно предложил вместе ими насладиться.

Я сказал в трубку:

– Извини, сегодня я не смогу. Мне нужно идти на работу, а еще у меня гостит друг.

– А когда у тебя будет свободное время? – спросил приятель.

– Давай вернемся к этому, когда мой друг уедет. – И тут меня осенила идея, и я добавил: – Когда друг уедет, я обязательно к тебе заскочу, буквально через пару дней.

Завершив разговор, я взглянул на Да Ся. Она отложила палочки и начала собирать со стола. Больше она не ела. Ее вид меня огорчил. Непостижимым образом вся эта ситуация стала моей проблемой: мне станет спокойней, если я отправлю ее восвояси мирно и благополучно. Тут я вспомнил о записке и разыскал ее в кармане куртки. Достал из ящика стола письма от родных и друзей, которые получил за последние два года, и положил вместе с запиской в портфель, после чего отправился в магазин.

Все утро я сверял почерки, но не нашел похожего, затем принялся обзванивать знакомых и родственников с вопросом, не отправляли ли они ко мне девушку по имени Да Ся, или же не знают кого-либо с таким именем. Не было ни одной зацепки. Чего только не говорили мои собеседники! Старики или женщины, как и моя хозяйка, советовали немедленно ее прогнать. Близкие друзья, особенно мужчины, подшучивали: «Чего бояться? Пользуйся случаем, раз представился. Нынче, если ты не воспользуешься женщиной,

она воспользуется тобой.лови момент, тем более если рыбка сама плывет в сети. Если хочешь ее прогнать, то это легко сделать: купи постельное белье и предложи ей спать на одной кровати; если испугается, то сама уйдет; а если нет, то еще лучше. Словом, вперед, грех отказываться». Друзья посерьезнее советовали найти подходящий способ, чтобы от нее избавиться, разузнать о ее прошлом или свалить ее на кого-либо другого.

Я решил использовать несколько способов одновременно. Посреди дня закрыл магазин и поехал на велосипеде в участок к тому толстому полицейскому: мне показалось, что лучше всего ему и вернуть девушку. Его не было на месте: по словам сослуживцев, он отлучился по делам и будет только через час. Я не мог просто так сидеть сложа руки, поэтому вышел на улицу и скупил все газеты с объявлениями, после чего сел в участке и стал листать одну за другой в поисках объявлений о пропаже людей. Просмотрев большую стопку с несколькими десятками объявлений такого рода, я не нашел ни одного, хотя бы отдаленно подходящего. Разыскивались в основном либо старики с деменцией, либо заблудившиеся слабоумные, либо сбежавшие из дома в поисках приключений дети. Помимо объявлений о пропаже я также бегло просмотрел и другие заметки, а толстый полицейский все никак не возвращался. Его сослуживцы сказали, что он, вероятно, пошел за своим ребенком, не заходя в участок, и попросили меня прийти на следующий день, поскольку сами уже соби-

рались по домам.

Вынужденное возвращение домой ни с чем привело меня в подавленное состояние. По дороге я купил в ресторане «Цюаньцзюйдэ» утку по-пекински. Раз я все равно собрался прогнать Да Ся, пусть сначала поест пекинской утки, а потом идет – хоть не зря в Пекин съездила. Ели мы долго, закончили только к половине девятого. Прибравшись, я сел полистать книгу, а Да Ся смотрела телевизор. В десять часов я сказал, что устал и пойду спать: я подразумевал, что лягу на кровати, а дальше уж ее дело. Если, как и говорили друзья, для нее будет неприемлемо делить кровать с мужчиной, она сама уйдет.

К моему удивлению, она сама пошла заправить постель, после чего предложила мне лечь. Рядом были две подушки: одна моя, а вторую я раньше всегда подкладывал себе под спину. Эта картинка не могла меня не взбудоражить, ведь я все-таки здоровый мужчина. И в то же время я огорчился провалу очередного своего плана. Я принял две таблетки снотворного и лег. Позже я почувствовал, что она тоже легла в кровать рядом со мной, но мои веки отяжелели, и даже не возникло возбуждения. Ночь прошла спокойно.

На следующее утро толстого полицейского снова не было на месте, а его сослуживцы опять сказали, что он ушел по делам. Не знаю, откуда у него столько дел. Такое впечатление, что только он один и занят. Я поспешил прийти до начала послеобеденной смены и преградил ему дорогу на входе.

– Ты кто такой? – Он, видимо, не узнал меня. – И зачем я тебе понадобился?

– Вы свалили на меня одну девушку, Да Ся, помните? Она осталась у меня и не уходит. Я хочу вернуть ее вам обратно.

– А, та немая... Она искала тебя, я тут при чем? Кроме того, что плохого, когда девушка сама стучится в дверь?

– Дело не в девушке, а в том, что я ее не знаю, вообще понятия не имею, кто она такая.

– Я тоже не знаю. – Полицейский вошел в кабинет, сел, но мне не предложил. – Это твои проблемы.

Я долго ему объяснял, как мне неудобно оставлять у себя Да Ся, сказал, что в любом случае мне придется ее отослать туда, откуда она пришла. Сейчас же мне нужно, чтобы она вернулась в участок.

– А не обнаглел ли ты? – недовольно сказал толстяк. – Ты думаешь, мне тут заняться нечем? Ну хорошо, если ты так хочешь, приводи ее сюда. Я передам ее в приют, пусть там разбираются, куда ее отправить. Превратили полицию в какое-то сборище нянек: кто бы ни обосрался, все нам подтирать.

– А сотрудники приюта смогут отправить ее домой? С ней все будет в порядке?

– Я откуда знаю? Иди спроси у них сам. Не слышал, что в газетах писали? Несколько дней назад в приют приходила пожилая дама из Аньхоя в поисках своего сына. Ей там сказали, что его давно уже отправили домой, но прошло уже два

года, а сын так и не доехал до дома. И ведь не подкопаешься, а человека нет.

– То есть пропал без вести?

– Именно. Смотри сам. Если тебе жалко, то и не надоедай мне больше.

Стало ясно, что этот путь для меня тоже закрыт. Я не настолько бессердечен, чтобы отправить Да Ся в такое место: все-таки она, кем бы ни была, пришла ко мне, пусть даже это и какая-то афера. Про приют я знал, хотя никогда там не бывал. Несколько лет назад туда могли отправить любого, у кого не было пекинской прописки, в том числе и меня самого. Не знаю, как там устроено, но приют всегда мне представлялся местом, похожим на тюрьму. И я понимал, что мне не следует отправлять туда Да Ся.

На прощание толстяк посоветовал дать объявление в газете: мол, нашелся человек, просим забрать. Этот вариант мне показался вполне подходящим.

После полицейского участка я сразу же направился в редакцию. Я объяснил молоденькой дежурной цель своего визита, но она, как и ее коллеги рядом, рассмеялась, решив, что я шучу. Я кратко описал ей обстоятельства дела и спросил, как дать объявление.

– Вы серьезно? – спросила дежурная.

– Ну конечно серьезно.

Они, видимо, решили, что это чушь. Парни посмеивались: зачем давать объявление? Оставь ее у себя и живи с ней,

всего и делов. Сейчас, мол, хорошую девушку днем с огнем не сыщешь. Зачем нужна какая-то безумная влюбленность? Это реально глупо! Их скрытая зависть вызвала единодушные нападки девушек. Те убеждали меня, что нужно ее спровадить, что чужая душа – потемки, а тем более она еще и немая. Прожить жизнь с немой – это же удавиться можно!

Поскольку они никогда раньше не сталкивались с такой проблемой, то и не взялись принять решение самостоятельно. Дежурная позвонила шефу редакции, пробормотала что-то в трубку и затем сказала мне, что можно попробовать. Но, по словам шефа, чтобы гарантировать достоверность информации, я должен был привести причастное лицо, чтобы удостоверить личность, затем девушку нужно будет сфотографировать и приложить фотографию к объявлению.

– А без личного присутствия никак нельзя? – Я боялся, что Да Ся, поняв, в чем дело, откажется со мной идти.

– Так сказал шеф, я ничего не могу поделать, – ответила дежурная.

Что ж, инструкции надо исполнять. Я так хотел все решить до конца рабочего дня, что налег на педали велосипеда и к четырем часам уже был у сада Чэнцзюань. Да Ся в это время как раз прибирала комнату: надев одну из моих потрепанных шляп и фартук, она сосредоточенно счищала пыль со стен и потолка щеткой с бамбуковой ручкой. Перед дверью были сложены старая простыня, пододеяльник, диванное покрывало, скатерть и другие ожидавшие стирки ве-

щи. Я давно не убирался в комнате, что было заметно по толстому слою пыли. Да Ся напомнила мне картину, на которой крепкая русская женщина стоит посреди золотого пшеничного поля, закутанная в платок, со снопом пшеницы в руках и смотрит прямо на зрителей. Мне всегда нравился этот образ, и я считал, что моя женщина должна быть именно такой: от нее веет домашним уютом, а за ней бескрайние поля, готовые к жатве.

Да Ся удивилась, что я так рано вернулся, и жестом спросила, не голоден ли я.

– Не голоден, – ответил я, помолчав, – после обеда торговля не шла, так что я решил проветриться. Пойдем прогуляемся.

Она была немного озадачена моим предложением и указала на веник и ожидавшие стирки вещи на полу.

– Это не к спеху, завтра приберешь. Редко бывает такое яркое солнце, да еще и без ветра.

Да Ся улыбнулась и выглядела приятно удивленной. Указав на часы, она вытянула четыре пальца.

– Еще только четыре часа, – ответил я, – еще нескоро стемнеет.

Да Ся радостно сняла шляпу с фартуком и принялась умываться и переодеваться. В сад Чэнцзюань она пришла чистенькой и красивой. На мосту через Ваньцюаньхэ стоило мне только помахать таксисту, как Да Ся одернула меня за руку и топнула ногой, давая понять, что хочет идти пешком.

Она думала, что мы и в самом деле гуляем.

– Мы идем потусоваться в редакцию. У меня там есть друг, и он пригласил нас к себе. – Уж если врать, решил я, так врать до конца, и снова помахал таксисту. Да Ся больше не протестовала.

По дороге мы попали в пробку. Когда мы приехали в редакцию, рабочий день уже заканчивался. Я отвел Да Ся к дежурной и сказал, мол, вот человек, о котором мы говорили.

– Это она и есть? Да Ся? – Дежурная отвернулась и крикнула кому-то позади: – Старина Линь, вы можете подойти сфотографировать?

Да Ся взглянула на меня и украдкой схватила за рукав. Она не понимала, что я собирался делать.

Все собрались вокруг нас и наперебой загалдели. Они не ожидали, что Да Ся окажется такой милой и немного застенчивой. Удивлялись, неужели я готов отказаться от такой хорошенькой девушки? Говорили, что я сошел с ума и что было бы странно, если бы после выхода газеты не заявили паратройка тысяч человек со своими правами на нее.

Да Ся снова посмотрела на меня, и ее взгляд выражал осуждение. Она отпустила мою руку, повернулась и выбежала из помещения.

– Эй, эй, – закричал я, бросаясь за ней вдогонку, – не убегай! Ты еще не сфотографировалась!

Позади я услышал, как дежурная кричала мне вслед:

– Вы все еще собираетесь размещать объявление?

Но у меня не было времени отвечать. Да Ся уже выбежала из редакции. Я, задыхаясь, бежал за ней, пока не догнал.

– Чего ты убежала? – спросил я, еле выговаривая слова. – Если не хочешь давать объявление, не будем, только не беги.

Она опустила голову, заламывая пальцы. Я знал, что она плачет, поэтому протянул ей носовой платок. Да Ся прикрыла лицо, и ее плечи начали сотрясаться.

Да Ся была расстроена. Да, я не знаю, кто она такая, но на ее месте я бы тоже расстроился, а еще – почувствовал себя преданным. Шла ли она, или ела, что бы ни делала – в ее взгляде была пустота. Вечером Да Ся легла раньше меня, повернулась на бок и прикрыла ладонью лицо: может, чтобы я не мог увидеть ее выражения, или она и сама не хотела меня видеть. Думаю, потому, что ей было больно.

Ее обида не прошла за ночь, а на следующий день она поссорилась с хозяйкой. Да Ся встала раньше меня. Когда я уходил на работу, на ее лице по-прежнему читалась тоска, и она даже не улыбнулась мне и продолжила убирать комнату. Когда вышло солнце, Да Ся начала стирать вчерашнюю грудку вещей. Как раз после этого и произошла ссора с тетушкой.

Конечно, Да Ся не кричала, но сама наваралась на конфликт: мне пожаловалась хозяйка, когда я вечером вернулся домой. Ничего страшного не случилось, речь всего-навсего шла о сливе воды после стирки. Что хозяйка, что Да Ся переусердствовали, вот и повздорили. Поскольку вещей было много, Да Ся поставила таз для стирки возле старой ивы и принесла туда несколько ведер с холодной водой и несколько бутылок с горячей, и принялась стирать и чистить. Перед ивой натекла целая лужа, а потом вода побежала дальше. Ничего особенного – при стирке я сам обычно тоже сливаю

воду под дерево. Хозяйка же не выдержала, ее враждебность еще подпитывалась тем, что Да Ся продолжала жить у меня. Они с дядюшкой Чэнем, сказала мне тетушка, всю жизнь были честными людьми и всего лишь хотели заработать немного денег с двух пустующих комнат в своем доме, но теперь, после появления незваной гостьи, беспокоились, как бы не вышла неприятность и они не оказались бы в нее замешаны. Эта проблема посерьезнее, чем плохое зрение или зубная боль. И плевать на потерю дохода с комнаты, когда непонятно, сможет ли семья и дальше жить нормальной жизнью. Хозяйка чуть не расплакалась, чем поставила меня в очень неудобное положение и заставила нервничать. Но я ничего не мог поделать.

– Что же ты сливаешь туда воду? – спросила хозяйка у Да Ся. – А если она замерзнет и кто-нибудь поскользнется?

Да Ся стирала и долго не реагировала. Ей пришлось повернуться, чтобы посмотреть на хозяйку, но, видимо, она не успела нацепить на лицо вежливую улыбку, поскольку тетка уже разозлилась, решив, что Да Ся нарочно ее задирает.

– Что ты смотришь? Тебе говорю! Вот ты, некуда слить столько воды, так решила вылить ее сюда, нарочно вредишь людям?

Да Ся, издавая невнятные звуки, жестикулировала мыльными руками.

– Не мычи. Не можешь говорить, так и не говори. – Это было очень некрасиво, но хозяйка продолжила ворчать и

негромко добавила (однако Да Ся все же услышала): – Прилипла как банный лист.

Да Ся тут же отвернулась и вылила наполовину использованную мыльную воду. Мало того, она взяла ведро и снова налила воды в таз, причем половину ведра расплескала на землю. Вся эта вода потекла в лужу, а оттуда – далее по двору.

Хозяйка пришла в ярость и, заикаясь, проговорила:

– Ну хорошо же... Ты... Ты... Повернись ко мне! Я ведь не ошиблась, я давно уже тебя разглядела: ты вредительница, рано или поздно от тебя следовало ожидать какой-нибудь пакости. Не думала только, что ты уже сейчас начнешь вредить.

Да Ся не обращала на нее внимания и продолжала выливать воду из таза. Хозяйкин гнев не возымел никакого эффекта, и той оставалось только выругаться и пойти домой. Дома она сдерживалась, пока я не вернулся с работы, и тогда уж обрушилась на меня, словно ядерный взрыв. Она сказала, что, как бы там ни было, такую напасть оставлять дома больше нельзя, в противном случае они больше не будут сдавать мне комнату: все равно предложений о сдаче жилья в аренду сейчас предостаточно. Да Ся была лишь предлогом, еще пару месяцев назад хозяйка говорила о повышении квартплаты, потому что отопление подорожало. Я тогда не согласился, поскольку при заключении договора мы условились, что я буду снимать два года и стоимость съема не будет менять-

ся. Слыша теперь ее зубовный скрежет, я догадался, что без денег это дело не решить.

– Давайте так, – предложил я, – вы мне дадите немного времени, а я буду больше платить за квартиру в качестве компенсации за беспокойство.

– Вопрос не в деньгах, – возразила хозяйка, – это для твоего же блага.

– Спасибо вам и дядюшке Чэню за заботу. Я постараюсь как можно скорее решить эту проблему.

Она с напускной скромностью взяла деньги, причем, сославшись на то, что у нее нет сдачи, бесцеремонно обобрала меня на пятнадцать юаней.

В комнате Да Ся сидела, потупившись, у накрытого стола. Она видела, как хозяйка преградила мне путь и отвела к себе. Да Ся все еще сердилась и, когда я вошел, даже не подняла на меня глаз. Я сел напротив нее и спросил:

– Вы поссорились с хозяйкой?

Она по-прежнему не смотрела в мою сторону. Вместо этого, подперев подбородок, рассматривала еду на столе.

– Ну и ладно. Хорошо, что поссорились! – сказал я. – Если назрела ссора, не надо сдерживаться.

Да Ся усмехнулась, надула губы, покосилась на меня и радостно пошла на кухню подогревать ужин. Она воодушевилась, словно ребенок. В это мгновение меня накрыло болезненное ощущение вроде родственной близости или любви. Все последние годы, которые я провел в одиночестве в Пеки-

не, вдруг показались мне неимоверно долгими. Это открытие тут же привело меня еще к одному, которое пронзило меня, напугало и заставило почувствовать себя постаревшим. Неужели вся эта беготня последних лет в конце концов завела меня сюда? Один-одинешенек, утешаюсь собственной тенью, давным-давно уже ни с кем не разговаривал по душам. Успел забыть, что в жизни есть еще дела сердечные, о которых не вспомнишь, пока другой человек не заденет ненароком, и только тогда почувствуешь боль.

Я предложил Да Ся вместе со мной ходить в книжный магазин, чтобы впредь у них не было конфликтов с хозяйкой, да и мне самому удобно: если отлучусь, будет кому присмотреть за магазином.

В магазине Да Ся тоже вела себя скромно. Когда ей нечем было заняться, она листала книжки. Да Ся не была заядлой читательницей, предпочитая те истории, где картинок было побольше. Время от времени она начинала хихикать и показывала мне страницу, чтобы я мог повеселиться вместе с ней. Когда она не разглядывала книжки, то сидела напротив меня и смотрела, как я читаю. Я спрашивал, не скучно ли ей, но она качала головой, радостно улыбалась и шла помогать посетителям с книгами или принимать оплату. Она с большой охотой советовала книги. Я просто поражался, как ей удавалось продавать, не говоря ни слова. В большинстве случаев это происходило с молодыми парами, по которым можно было сказать, что они состоят в любовных отношениях. Да

Ся просто протягивала девушке понравившуюся ей книжку, при этом улыбалась и кивала, словно говоря, что книжка очень хорошая. Обычно это были книги о любви. Если девушке книга нравилась, то молодому человеку ничего не оставалось, как раскошелиться.

С появлением Да Ся оживились и многие старые клиенты и знакомые. Они постоянно спрашивали меня о девушке, и я отвечал, что она мой друг. Тогда они хитро улыбались, говоря, что, вероятно, я имел в виду «подружка». И когда я уже собирался было возражать, она подходила, совершенно естественно брала меня под руку и бодро им улыбалась. Ей очень шла улыбка: она слегка обнажала ее белые, словно дорогой изящный нефрит, зубы. А приятели, хохоча, хлопали меня по плечу. Когда они отворачивались, Да Ся тут же отпускала мою руку, строила рожицу и шла заниматься своими делами.

Да Ся, проведя со мной в магазине несколько дней, преобразилась, стала более живой и открытой. Наверное, она такой и была раньше. Однако порой она, будто застыв, сидела в сторонке, и я видел, что она из-за чего-то печалится. Конечно, я не знал тому причины, но мне тоже становилось не по себе, зато когда она радовалась – я чувствовал то же самое. Однажды мне вдруг пришло в голову не покупать готовый обед, а пойти в кафе. Эта идея меня самого удивила. Наверное, не столько потому, что в первой половине дня торговля шла хорошо и удалось продать несколько десятков книг, сколько оттого, что все утро Да Ся была в приподнятом настроении. Она ходила туда-сюда между влюбленными парочками, и они с удовольствием покупали книги, которые она им подсовывала. Да Ся чувствовала себя успешным продавцом и целое утро мне довольно улыбалась. В кафе я смотрел, как она суетливо ела отварную рыбу в пряном сычуаньском⁶ соусе, и чувствовал неопишное удовлетворение. Я и не заметил, когда ее радость стала передаваться и мне. Это лишь усугубило проблему.

⁶ Сычуаньская кухня – один из восьми видов китайской кухни, наряду с кантонской, хунаньской, шаньдунской кухнями, кухней Цзянсу, кухней Чжэцзян, фуцзяньской и анхойской кухнями. Зародилась и распространена в провинции Сычуань; блюда славятся остротой и жгучестью.

Днем я оставил Да Ся присмотреть за магазином, а сам пошел в торговый центр за одеялом. Увидев одеяло, Да Ся покраснела и быстро отвернулась якобы полистать книгу. Я успел заметить у нее то смущение, которое возникает лишь между мужчиной и женщиной, когда они в отношениях. Это одеяло заставило нас обоих осознать факт: вроде спим в одной кровати, а до сих пор непонятно, кто мы друг другу. Каждый раз, когда я ложился в кровать, меня не оставляло ощущение, что Да Ся чужая. В голове зарождались путанные мысли, которые тут же разбивались о сомнения, недоумение, тревоги и страхи, не покидавшие меня до тех пор, пока я не засыпал. Теперь я боялся, что как прежде уже не будет. Все, что я мало-помалу подавлял в себе, в конце концов лишило меня уверенности. Нужно предпринимать меры, чтобы предупредить беду, пока она еще не пришла.

Вечером я расстелил новое одеяло – теперь у каждого было свое – и молча лег. Да Ся тоже легла и не двигалась. Я знал, что она не спит. Обычно она ложилась на бок спиной ко мне, а когда засыпала, поворачивалась на спину. Во сне она начинала ворочаться и иногда оказывалась лицом ко мне и клала на меня руку. Но этой ночью она спала очень тихо, и не было слышно ее милого сопения. Я тоже побаивался повернуться. В попытках понять другого человека без слов легко придумать себе удобную ложь, но, как только выкладываешь все на поверхность, обман рассеивается вместе со спокойствием, что он дарил.

Я так промучился до полуночи, пока наконец не уснул. Позже я вдруг проснулся и обнаружил свою руку под одеялом. Да Ся, на ощупь не понять, за поясницу я держался или за задницу. Меня прошиб холодный пот. Я осторожно убрал руку и долго пытался успокоиться перед тем, как снова уснуть. Да Ся не сопела.

На следующий день мы оба были уставшими и с темными кругами под глазами.

Так прошла неделя – днем с любовью, а ночью с желанием, – отчего я обессилел физически и морально. Своему только что вернувшемуся из заграничной командировки деловому партнеру я сказал, что больше так не могу. Это мой хороший друг, честный и порядочный. На самом деле он основной акционер нашего предприятия, а я в большей мере отвечаю за текущие дела. Друг смотрит на людей из-за очков; линзы придают его взгляду особую глубину, так что когда он что-то говорит, то всегда выглядит серьезным.

– Так дальше продолжаться не может, – заключил он, – либо иди уже до конца напролом и делай, что нужно, все равно же вас тянет друг к другу; либо поскорее ее выстави – и делу конец.

– Но... – промямлил я.

– Никаких но. Может быть, даже лучше ее прогнать. Братан, ты уже не мальчик, пора бы тебе найти жену, а жена – это на всю жизнь. Я видел эту девушку, но не могу сказать ничего определенного. Если не знаешь всю подноготную, то

и не предугадаешь, что может произойти в будущем. Кроме того, – он особо выделил эти слова, – она еще и немая, а это весьма скверно. Мы обычные парни, зачем нам эти фокусы?

В последнее время я уже хотел действовать активнее, но слова приятеля вновь меня остудили. Мы обычные парни, простые смертные. Похожее говорили и тетушка, и дядюшка Чэнь:

– Мы честные люди и вынуждены нести ответственность за себя, мы не можем позволить себе выходить за рамки.

Вернувшись от приятеля, я купил матрас с простыней. Я собирался спать на диване, как бы неудобно это ни было, – нельзя больше баловать себя, в противном случае мучиться буду не только я, но и Да Ся. Продолжать в том же духе в самом деле неуместно и безрассудно.

Да Ся никак не отреагировала на матрас и простыню. После ужина я сел смотреть телевизор, а она, прибравшись, сама пошла заправлять диван. Я немного склонился набок и закурил, делая вид, что поглощен просмотром телевизора. Она не сильно шумела. Через некоторое время Да Ся подошла к кровати и взяла свое одеяло. Я обернулся и увидел, что она уже застелила диван.

– Нет, – я встал и преградил ей дорогу, – я буду спать на диване.

Сохраняя хладнокровие, она постелила на диване свое одеяло. Я отнес его обратно и забрал с кровати собственное одеяло. Да Ся снова проигнорировала меня и села под при-

кроватьной лампой почитать комиксы. На каждую страницу у нее уходила уйма времени. Я тоже молчал, не зная, что сказать. Весьма неловкая ситуация. А потом Да Ся без единого звука легла на нашу широкую кровать, по-прежнему занимая лишь свою половину, лицом к стене. Ночью я спал плохо, как и Да Ся. Я так и не услышал ее тихого сопения. Утром она встала с темными кругами под глазами, почти как у панды.

Я снова обратился к другу за помощью. С ним была и его жена, которая всегда была настойчивее него. Она работала учительницей в средней школе.

– Ну и какие сейчас ощущения? – спросила она меня.

– Не могу сказать наверняка. Похоже на страх.

– Страх влюбиться?

Думаю, он самый.

– Что еще? Ну например, ее ты тоже боишься? Чувствуешь, что она свалилась как снег на голову? Поэтому она для тебя человек без корней?

Должен признаться, что она попала в больное место. Я кивнул, подтверждая ее догадки.

– Будь я в такой ситуации, – сказала жена моего приятеля, – у меня было бы только два пути: либо решительно ее отпустить, либо, если уж действительно не вмоготу ее потерять, разговорить ее, чтобы она раскрыла правду. Когда дело прояснится, будет гораздо проще его уладить.

Мой друг при этом постоянно кивал. Он вообще привык

поддакивать жене. Мне тоже захотелось кивнуть.

– Давай сделаем так, – сказал друг, – ты съезди за город развеяться: поразмыслишь хорошенько, тогда и решишь. В последнее время ты много занимался магазином, теперь моя очередь.

И то верно: мне пора проветриться. Целый день находить-ся лицом к лицу с Да Ся для меня стало невыносимо. Любовь к ней и желание оказались настолько сильными, что сломили меня. Вопрос теперь был в том, что делать с Да Ся, когда я уеду: оставить дома или взять с собой? Приятель, конечно, подразумевал первое, ведь не было особой разницы в том, чтобы поехать вместе за город или остаться вдвоем в Пекине.

Собирая вещи, я сказал Да Ся:

– Я уезжаю.

Она занервничала, схватилась за сумку, во взгляде застыло недоумение.

– Я просто еду проветриться, – сказал я, – скоро вернусь. А ты оставайся дома.

Она тут же замотала головой, беспорядочно замахала руками и затопала ногами.

– Все в порядке, я просто немного устал за последнее время и хочу отдохнуть несколько дней.

Она села с мрачным выражением лица и стала загибать пальцы. Когда я уже почти закончил сборы, Да Ся вдруг встала, открыла дверцы шкафа, сгребла свою одежду, пихнула мне в сумку и застегнула ее. Глядя мне в лицо, она схватила

меня за руку.

Я не мог сказать ей, что она не поедет. Мы вышли после обеда. Я не знал, куда ехать, и решил для начала отправиться на вокзал и сесть на первый подходящий поезд. Все равно ведь едем гулять – без разницы, куда именно.

Мы сели на автобус, затем поехали на метро и через час с лишним прибыли на Центральный вокзал. Да Ся инстинктивно боялась стремительного потока людей и все время держала меня за руку. Мы подошли к кассе и посмотрели на табло с номерами поездов и временем отправления. Во взгляде Да Ся читалась готовность ехать со мной куда угодно. Я предложил ей выбрать самой: возможно, это будет как-то связано с ее прошлым, ведь я так ничего и не узнал ни о ее происхождении, ни о месте рождения.

– Ты решай, – сказал я, – куда захочешь, туда и поедем.

Да Ся снова взглянула на меня. Я постарался придать своему лицу выражение безразличия и доверия к ней, что несколько ее успокоило. Она без колебаний указала на поезд до Нанкина, отправлявшийся в половине пятого. На поезд еще оставалось тридцать билетов. До отправления оставалось меньше часа.

– Лучше, конечно, подобрать знакомое место, где мы сможем гулять спокойно и в свое удовольствие.

Да Ся продолжала уверенно указывать на Нанкин.

– Хорошо, Нанкин так Нанкин, – сказал я. – Был там много лет назад.

За полчаса мы купили в ближайшем супермаркете еду в дорогу и успели как раз к проверке билетов. Мы нашли свои места и устроились поудобней. До отправления поезда оставалось еще двадцать минут. Я сказал Да Ся, что в ночных поездах часто небезопасно, достал из кармана наличные и отдал ей половину. Она сидела подле меня у окна. В вагоне было довольно жарко, курить было нельзя, отчего я чувствовал себя некомфортно. Перед отправлением я сказал Да Ся, что пойду в хвост вагона покурить, и предложил ей пока выпить чего-нибудь.

Я спрыгнул с поезда как раз перед самым отправлением. Я об этом и не думал, но, когда закуривал, решился. В это время проводница сказала:

– Поезд отправляется! Товарищи провожающие, поскорее покиньте вагон!

Я быстро погасил зажигалку и выбежал, словно спасаясь от стихийного бедствия. Поезд тронулся, а я спрятался за столб перрона. От охватившей меня грусти на глазах выступили слезы. Да Ся наконец уехала, но я вовсе не чувствовал радости. Страхи, тревоги, восторги и мучения стольких дней унеслись вместе с поездом. Огромная ноша вдруг спала с плеч, и тело показалось невесомым. Я был опустошен, в меня будто ворвался холодный зимний ветер.

Я не знал, как оправдаться перед сами собой. По дороге домой я все время думал о том, что в этот момент делала Да Ся. Наверное, везде меня искала? Я дал ей тысячу юаней

— этого достаточно, чтобы без проблем вернуться к себе домой. Даже если Да Ся не из Нанкина, проблемы бы не возникло, ведь в сумке еще были ценные вещи, которые можно обменять на деньги: например, фотоаппарат и проигрыватель компакт-дисков. Иначе я не простил бы себе, что оставил ее в таком положении.

Когда я вернулся домой, уже стемнело. Я зашел в супермаркет купить еды и три бутылки пива. В одиночестве я пил и тосковал и не мог прогнать эту тоску. В конце концов я напился. Повалившись на кровать, я еще некоторое время пребывал в сознании и что-то бубнил себе под нос, пока наконец не отрубился.

Около двух ночи раздался стук в дверь. Открыв глаза, я сразу почувствовал, как болела голова, словно кто-то забивал ржавый гвоздь в затылок. Так бывает каждый раз, когда я перепью. Я включил свет и, шатаясь, пошел к двери. Когда я открыл, алкоголь вдруг сразу выветрился: это была Да Ся. Ее волосы растрепались на ветру. Увидев меня, она расплакалась и бросилась мне в объятия. Ее лоб и руки были ледяными, и она дрожала у меня на груди.

– Да Ся, – проговорил я, – это же Да Ся.

Она начала меня колотить, стучала кулаками по мне без разбора, затем порвала на мне пижаму. Я придержал ее за талию и позволил выпустить пар. Устав, она прекратила и лишь обиженно плакала у меня на груди.

– Ладно, ладно, ты продрогла, – сказал я, – скорей иди под одеяло согрейся.

Она была словно куколка в моих руках: сняв туфли, носки, куртку, я засунул Да Ся под одеяло, потом нашел два кусочка имбиря, растолок их и приготовил отвар. Она, как кошка, ежилась под одеялом и без единого звука выглядывала из-под него только затем, чтобы посмотреть, как я суечусь. Вскипятив имбирный отвар, я принес его к кровати и помог Да Ся подняться. Она не хотела пить, и мне пришлось так и сяк уговаривать ее. Выпив отвар, Да Ся обняла меня.

Я спросил, не голодна ли она. Она покачала головой и продолжала плакать. Ей все еще было холодно. Я уложил ее и лег рядом, дав ей свернуться калачиком в моих руках, чтобы согреться. Примерно через полчаса она пришла в себя и заснула, обнимая меня.

Не знаю, сколько прошло времени, когда я вдруг проснулся. В темноте я увидел перед собой два блестящих глаза и почувствовал теплое дыхание. Да Ся была в моих объятиях, ее руки были просунуты в рукава моей одежды, а мои – в ее. Тепло Да Ся было таким нежным и горячим. Наши глаза сближались, а дыхание становилось все громче. Мы были словно два ночных поезда, с хриплым гулом следовавших один за другим. Ночь была обширна и чиста, все пространство заполнилось паровозным гулом; настойчиво, взволнованно, упрямо, без промаха два поезда наконец соединились. Ты нашла меня, а я – тебя, и вдруг не стало ни ночи, ни поездов, остался лишь ритмичный гул. На рассвете поезд остановился. Да Ся лежала обнаженной у меня на груди.

Я мог только представить, как Да Ся добралась обратно до сада Чэнцзюань. Поскольку она не говорила, приходилось угадывать по крупичам. Картина прояснялась постепенно по мере того, как Да Ся подтверждала мои догадки. Она не знала, что я сошел с поезда, и какое-то время ждала меня на месте. Когда поезд уже выезжал из Пекина, она почувствовала неладное и пошла искать меня в хвост вагона, но где уж ей было найти? Решив, что я пошел в туалет, она ждала меня

возле него, потом запаниковала. Да Ся при помощи жестов пыталась разузнать про меня у проводницы, но та ничего не поняла и дала ей ручку написать. Она написала, что ищет человека по имени Ван Идин, с которым вместе села в поезд, но которого теперь не может найти (она даже нарисовала мой портрет), и что ее саму зовут Да Ся. Проводница долго вглядывалась, пока не сказала, что изображенный на рисунке человек как будто сошел с поезда перед отправлением, и она подумала, что тот был провожающим. Да Ся уже догадалась, что произошло, но все еще не сдавалась и попросила проводницу дать объявление. Объявление прозвучало более десяти раз: «Господин Ван Идин! Вас ищет госпожа Да Ся! Пожалуйста, немедленно вернитесь в свой вагон к своему месту!» В конце концов, не дождавшись вестей, Да Ся расплакалась и встала у дверей вагона в ожидании остановки.

По счастливому стечению обстоятельств этот поезд останавливался практически на всех станциях. Да Ся вышла на ближайшей. Взволнованная и растерянная, она оставила все мои дорожные сумки. Если бы при ней не было тысячи юаней, у нее возникли бы серьезные неприятности. Она села в поезд в сторону Пекина в девять часов вечера. В половине двенадцатого она приехала и пересела в автобус, но ошиблась с маршрутом и была вынуждена сойти в совершенно незнакомом месте. Только тогда она сообразила взять такси. Водитель не знал, где находится сад Чэнцзюань, только где Пекинский университет. Таксист, видя, что Да Ся лишь рас-

терянная немая, похоже, решил отвезти ее к Восточным воротам университета и тем самым от нее отделаться. Она же думала, что ей достаточно будет пересечь территорию кампуса, чтобы выйти к Западным воротам, а уж потом найти и сад Вэйсююань, и сад Чэнцзюань. Кто же мог знать, что она заблудится? Она ведь никогда раньше не была в Пекинском университете, так что промаялась больше часа, пока наконец не вышла к Западным воротам. Ночью было очень холодно, и когда она добралась до сада Чэнцзюань, то совершенно окоченела.

Да Ся дулась несколько дней, но надо сказать, что счастливая жизнь для меня все-таки началась. Обида прошла и уже больше не возвращалась. Я хотел снова взять Да Ся с собой за город, но она ни в какую не соглашалась, предпочитая проводить время дома либо гулять вместе со мной по улицам. Дома ей нравилось вешаться мне на шею, а по городу ходить со мной под руку, словно она моя девушка. Ее особенно забавляло, когда так считали другие: заведя кого-либо из моих друзей, она тут же хватала меня за руку, а уж тем более перед моими квартирными хозяевами. Мне уже было все равно. Если после стольких метаний нужно было наконец принять судьбу, то я был очень рад, что она именно такая. Наше совместное проживание дало мне ощущение дома, и для меня, одинокого мужчины под тридцать, обычного и неприметного в пекинской толпе приезжего, это было очень приятно и умиротворяюще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.